

Мюнхенский «Рубикон»: приглашение нацистской Германии к дальнейшей экспансии

Н. В. Васильева*

Казалось бы, что спустя более чем 70 лет, прошедших после подписания в сентябре 1938 г. Мюнхенского соглашения, проведенные исторические исследования, а также имеющиеся в распоряжении ученых документы убедительно доказывают оценку политики Великобритании и Франции, направленной на стовор с нацистской Германией за счет Чехословакии, как «умиротворение» агрессора. Тем не менее и сегодня среди историков нет однозначного толкования этого события. Большинство российских историков считают его поворотным пунктом ко Второй мировой войне. Некоторые авторы, напротив, не исключают альтернативного развития международных отношений и возможности избежать войны¹. В этой связи вновь возникает необходимость выяснить причины, по которым соглашение в Мюнхене явилось со стороны правящих кругов Великобритании и Франции «приглашением» Германии к дальнейшей агрессии, в том числе и против СССР. Центральное место занимает также ответ на вопросы, готов ли был Советский Союз военными средствами защитить Чехословакию и почему этого не произошло.

Актуализация данной проблематики, на наш взгляд, важна и с точки зрения изучения уроков чехословацкого кризиса 1938 г., в том числе при выборе пути разрешения современных международных конфликтов: допустимости соглашений и уступок потенциальным агрессорам или же необходимости применения против них угро-

зы военной силы, вплоть до ответных боевых действий в целях предотвращения эскалации вооруженного конфликта.

С конца 1936 г. и в начале 1937 г. стал назревать кризис в развитии международных отношений на континенте, затронувший все европейские страны и отразившийся на положении дел во всем мире. Именно тогда в Европе начал складываться треугольник сил (фашистские государства — западные державы — СССР), борьба между сторонами которого определяла дальнейший ход событий. Инициатива при этом явно была перехвачена фашистскими государствами.

В то же время продолжал действовать советско-французский договор о взаимной помощи от 2 мая 1935 г., по которому Советский Союз и Франция взяли на себя обязательство консультироваться между собой в случае опасности и оказывать друг другу немедленную помощь при неспровоцированном нападении на одну из них какого-либо европейского государства². Напомним, что вслед за подписанием советско-французского договора о взаимной помощи 16 мая последовал аналогичный договор СССР с Чехословакией³. Однако в договор с Чехословакией по инициативе чехословацкой дипломатии была внесена оговорка, что обязательства сторон вступают в силу только в случае если помощь жертве агрессии будет оказана со стороны Франции. Естественно, что такая оговорка ослабляла тройственную советско-франко-чехословацкую систему договоров, равно как

* **Нина Владимировна Васильева** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военной академии Генерального штаба ВС РФ (НИИ военной истории), специалист по военно-политическим проблемам истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в новейшее время.

ослабляло систему безопасности и отсутствие военных конвенций, которые конкретизировали бы обязательства сторон.

Вместе с тем после подписания советско-чехословацкого договора о взаимной помощи военные руководители Чехословакии сразу же поставили вопросы взаимодействия с Красной Армией в случае нападения на их страну. Так, начальник Генерального штаба РККА А. И. Егоров, посетивший Чехословакию летом 1936 г., докладывал 7 июля наркому обороны К. Е. Ворошилову следующее: «Надо отметить особый интерес, проявленный чехами к нашей авиации, что видно из заявления Л. Крейчи (министр обороны Чехословакии. — *Авт.*), который сказал, что если на пропуск через Румынию частей Красной армии надо добиваться согласия румын, то для авиации этого не потребуется. Она воздушным путем прилетит прямо на нашу территорию. По его словам, они подготовили уже аэродромы для приема наших 18 эскадрилий и дополнительно подготавливают еще на 16 эскадрилий»⁴.

Далее Егоров изложил основные положения чехословацкой концепции возможного будущего конфликта.

- «1. Франция после занятия немцами Рейнской зоны поставлена в стратегическом отношении в крайне тяжелые условия. Поэтому, по мнению чехов, нельзя исключать возможность того, что с приходом к власти соответствующего кабинета французы не сговорятся с немцами.
2. Наиболее реальной силой, могущей спасти страну, чехи считают Красную Армию, для прохода которой на территорию Чехословакии планируется осуществить ряд мероприятий: организовать круговую оборону, способную сдерживать натиск немцев и поляков, а на румынском участке остановить «открытые ворота» для пропуска войск Красной армии и собственной эвакуации в случае неблагоприятного развития событий.
3. Предполагается, что позиция Польши вначале будет неясной. В целях обеспечения безопасности польский участок границы будет прикрыт укреплениями. Эти укрепления, а главное, проход частей Красной армии на стыке границ между Польшей и Румынией разобщат силы этих двух стран и заставят Польшу в кратчайший срок определить свою военную позицию.

4. Считается, что в 1937 году и, пожалуй, даже в 1938 году Германия еще не будет готова для большой войны. Поэтому чехословацкая армия успеет вооружиться»⁵.

Заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров вызвало негативную реакцию Великобритании. В ответ 18 июня 1935 г. она заключила с Германией Морское соглашение. По нему Германия могла резко увеличить свои военно-морские силы, доведя их до 35 % от размера британского флота. По сути, соглашение означало увеличение германского военно-морского флота по меньшей мере в четыре раза по сравнению с имевшимся уровнем. Соглашение нарушало военные положения Версальского мирного договора. Оно продемонстрировало готовность британских правящих кругов пойти навстречу германским нацистам в пересмотре сложившегося положения в Европе.

В отношениях западных держав наблюдалась всё возрастающая зависимость французской политики от Великобритании. Занятая ими позиция «невмешательства» в испанские события становилась предтечей позднейшей политики «умиротворения агрессоров». СССР начал ощущать положение изоляции, в которой он оказался, и стремился не допустить блокировки западных держав с фашистскими государствами на антисоветской основе⁶. Приблизительно к этому времени относится тезис И. В. Сталина о возникновении двух очагов войны в мире, озвученный им 1 марта 1936 г. в ходе беседы с американским писателем Роем Говардом. Как заявил советский руководитель, «первый очаг находится на Дальнем Востоке, в зоне Японии». «Второй очаг, — отметил И. В. Сталин, — находится в зоне Германии. Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют. По сравнению с этими двумя основными очагами военной опасности итало-абиссинская война является эпизодом. Пока наибольшую активность проявляет дальневосточный очаг опасности. Возможно, однако, что центр этой опасности переместится в Европу. Об этом говорит хотя бы недавнее интервью господина Гитлера, данное им одной французской газете. В этом интервью Гитлер как будто пытается говорить миролюбивые вещи, но это свое „миролюбие“ он так густо пересыпает угрозами по отношению к Франции и Советскому Союзу, что от „миролюбия“

ничего не остается. Как видите, даже тогда, когда господин Гитлер хочет говорить о мире, он не может обойтись без угроз. Это — симптом»⁷.

5 ноября 1937 г. в Берлине на совещании с представителями германского военного руководства Гитлер изложил принципиальные соображения относительно реализации планов внешней политики Германии. Он подтвердил свои теории о необходимости расширения для Германии «жизненного пространства», указав, что для решения германского вопроса «может быть только один путь — путь насилия». Сроки начала «большой войны» были намечены на 1943–1945 гг. При этом было заявлено, что для улучшения военно-политического положения Германии «первоочередной задачей при любом случае втягивания в войну должен быть разгром Чехии и одновременно Австрии, чтобы снять угрозу с фланга при возможном наступлении на запад». Все это должно было предшествовать нападению на Францию⁸.

На рубеже 1937–1938 гг. в Германии было развернуто 42 дивизии, в том числе 7 танковых и моторизованных. Общая численность сухопутных войск достигла 800 тыс. человек. Было предусмотрено формирование еще 25 дивизий и доведение численности сухопутных войск на случай войны до 3 млн человек. Германские ВВС имели к тому времени более 2 тыс. самолетов. С усилением подготовки к войне была связана также реорганизация высшего германского военного руководства⁹.

Все более обострялось положение на Дальнем Востоке. Япония намеревалась разрешить свои противоречия с Советским Союзом «силой оружия», как только «она почувствует себя достаточно мощной в военном отношении»¹⁰. Западные державы, ища выход из нараставших противоречий между ними и Японией в Тихоокеанском регионе, стремились направить японскую экспансию против ее северного соседа. Они рассчитывали, что Японию и СССР «можно будет различными маневрами заставить воевать друг с другом»¹¹.

Весной 1937 г. пост премьер-министра Великобритании вместо С. Болдуина занял Н. Чемберлен. У него было два пути: первый — противодействие агрессору на базе Лиги Наций и коллективной безопасности, что означало необходимость создания оси Лондон — Париж — Москва. Для Чемберлена такой путь, предполагавший тесное сотрудничество с Москвой, был неприемлем. Оставался второй — прямая сделка

с агрессором. Британский премьер-министр выбрал именно этот путь¹².

Схожие взгляды в значительной мере были присущи и правящим кругам Франции¹³. Несмотря на то что формально между СССР и Францией сохранялись контакты по военной линии, конкретных результатов в сотрудничестве не было достигнуто. Оценивая состояние франко-советских отношений осенью 1936 г., советский полпред в Берлине Я. З. Суриц писал М. М. Литвинову: «Франко-советский пакт дышит на ладан. Тем более что и в самой Франции все меньше и меньше его сторонников, даже и среди партий Народного фронта (в частности, и в радикал-социалистической, и даже социалистической). В таком положении остается задача не укреплять его (об этом не может быть и речи), но просто лишь бы сохранить его хотя бы на бумаге»¹⁴.

17 февраля 1937 г. полномочный представитель СССР в Париже В. П. Потемкин и новый военный атташе Семенов вручили французским представителям ответ Генерального штаба РККА на французский запрос о формах и размерах помощи, которую СССР мог бы оказать в случае нападения Германии на Францию и Чехословакию. В ответе содержался план, предусматривавший оказание помощи Франции либо путем выдвижения советских сухопутных войск к границам Германии через Польшу и Румынию, при условии их согласия, либо путем оказания морской и воздушной поддержки французским войскам в случае военных действий. Однако переговоры после нескольких встреч их участников прекратились, а в конце марта Семенов вообще убыл в Москву¹⁵.

В свою очередь правительство США подталкивало Францию к соглашению с Германией. За океаном были известны гитлеровские планы завоевания мирового господства, которые в конечном счете таили в себе угрозу и для США, но в Вашингтоне полагали, что Германия не начнет наступления на западе, пока не уничтожит своего главного врага на востоке — Советский Союз¹⁶.

19 ноября 1937 г. в Оберзальцберге Гитлер встретился с представителем английского правительства лордом Э. Галифаксом. Великобритания вступила в переговоры с Гитлером по вопросу, связанному с присоединением Австрии к Германии. Э. Галифакс, назвав Третий рейх «бастионом Запада против большевизма», выступил за заключение «широкого соглашения», по которому Германия обязалась бы уважать целостность

Британской империи, в свою очередь английское правительство предоставило бы ей свободу рук в Центральной и Восточной Европе¹⁷.

Приведенные в многочисленных исследованиях факты свидетельствуют: со времени образования двух очагов войны и вплоть до ее начала в 1939 г. западные руководители не ставались с иллюзорной надеждой на то, что им удастся достигнуть компромисса с Германией, Италией, Японией, мирным образом преодолеть разногласия и откупиться от них частичными, второстепенными уступками.

В клубке этих расчетов, противоречий, интриг с началом 1938 г. напряженность международной обстановки в Европе еще более обострилась. Руководство нацистской Германии решило приступить к осуществлению первого этапа своей завоевательной программы — объединению всех немцев под флагом «великогерманского рейха».

12 февраля 1938 г. по требованию Гитлера в Берхтесгаден прибыл австрийский федеральный канцлер К. Шушниг и подписал предложенный ему протокол (Берхтесгаденское соглашение), согласно которому австрийское правительство обязалось поддерживать германскую внешнюю политику и предоставить полную свободу деятельности австрийским национал-социалистам. Протокол фактически предусматривал установление германского контроля над внешней политикой Австрии, легализацию деятельности австрийских нацистов, назначение ряда из них на ключевые посты, в частности одного из «фюреров» А. Зейсс-Инкварт — на пост министра внутренних дел¹⁸.

22 февраля 1938 г. британский премьер-министр Н. Чемберлен заявил в парламенте, что Австрия не может рассчитывать на защиту Лиги Наций: «Мы не должны обманывать, а тем более не должны обнадеживать малые слабые государства, обещая им защиту со стороны Лиги Наций и соответствующие шаги с нашей стороны, поскольку мы знаем, что ничего подобного нельзя будет предпринять»¹⁹.

11 марта 1938 г. по указанию Гитлера была подготовлена директива на вторжение немецких войск в Австрию. В тот же день германское руководство в ультимативной форме потребовало от австрийского правительства отменить референдум по поводу присоединения к Германии, назначенный на 13 марта, уйти в отставку и передать правление Зейсс-Инкварту. На следующий день, 12 марта 1938 г., было сформировано новое ав-

стрийское правительство из нацистов, которое приняло закон, объявивший Австрию «немецкой землей». Аншлюс Австрии произошел²⁰.

В СССР сознавали опасность, которую таил в себе аншлюс. 17 марта 1938 г. правительство СССР направило главам Великобритании, Франции, Чехословакии и США ноты с осуждением акта агрессии, совершенного нацистской Германией в центре Европы и создавшего опасность для ряда европейских государств, граничащих с агрессором²¹. Правительство СССР было согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге Наций или вне ее практических мер противодействия агрессии²². В ноте от 24 марта английское правительство отвергло советские предложения. Такую же позицию заняли правительства Франции и США²³.

В результате присоединения Австрии к германскому рейху были установлены новые границы с дружественными Германии странами — Венгрией и Италией. Чехословакия оказалась окруженной с севера, юга и запада. У Германии появились новые границы с Югославией, Швейцарией и Лихтенштейном, которые рассматривались Гитлером как окончательные и неприкосновенные. Встал вопрос о захвате Чехословакии.

Нельзя не отметить, что в тот период на внешнеполитическое положение СССР, его престиж на международной арене определенным образом повлиял такой фактор, как массовые репрессии в стране. «Большой террор» в СССР 1937–1938 гг. оказал самое негативное воздействие на его привлекательность в качестве союзника и на способность влиять на расстановку сил в мире. В указанные годы были уничтожены многие видные военно-политические деятели, фактическому разгрому подверглись ведущие партийные и государственные органы СССР, в частности НКВД, которому был нанесен серьезнейший урон. Под репрессии попали многие руководители Коминтерна и ряда коммунистических партий. Эти события фактически перечеркнули возможность осуществления политических установок VII конгресса Коминтерна (1935 г.) на создание единого фронта в борьбе против фашизма и войны²⁴.

Вследствие массовых репрессий образу Советского Союза в мире был нанесен серьезный урон. Так, в Великобритании считали, что в результате сталинских чисток, проведенных в Красной армии, ей не хватит организованности, необходимой для активных действий. Приходили также сообщения о том, что с учетом «чисток»

в СССР Англия «все более и более начинает смотреть на СССР как на первостепенного общего врага»²⁵. Все это вело к международной изоляции СССР, без участия которого невозможно было остановить угрозу фашистской экспансии. Международная изоляция СССР, наметившаяся уже к концу 1936 г., нарастала в течение 1937 г. и достигла своего апогея в 1938 году²⁶.

В такой обстановке складывались наиболее благоприятные условия для нацистской Германии и фашистской Италии, в полной мере использовавших антикоммунистическую, антисоветскую пропаганду. Дальнейшее развитие событий в мире в огромной степени зависело от позиции западных держав. Однако состоявшиеся 28–29 апреля 1938 г. в Лондоне англо-французские переговоры показали, что французская политика попала в полную зависимость от Великобритании. Английские государственные деятели развили систему аргументов в поддержку политики «умиротворения». Даже в случае войны, утверждали они, нельзя будет восстановить Чехословакию в существовавших границах. Они предлагали побудить чехословацкое правительство решить вопрос о положении немецкого национального меньшинства в Судетах путем переговоров и соглашений с его руководством. Была достигнута договоренность, что британская дипломатия возьмет на себя посредничество в отношениях между Берлином и Прагой²⁷. По мнению Чемберлена, СССР был неспособен к большой войне наступательного характера. Поэтому ценность СССР как возможного союзника Франции или Англии в случае войны с Германией была для английского правительства под вопросом. Отсюда его нежелание в тот момент проявлять какую-либо активность в «русском вопросе»²⁸.

Тем временем гитлеровская Германия уже приступила к усилению давления на Чехословакию. Для ликвидации ее независимости гитлеровское руководство подготовило и осуществило целый комплекс дипломатических, военных, психологических и подрывных мероприятий. Основным орудием развала Чехословацкого государства стала судето-немецкая партия (или «Отечественный фронт судетских немцев» во главе с К. Генлейном, созданный в октябре 1933 г. на базе двух мелких профашистских партий), которая в апреле 1938 г. в ультимативной форме выдвинула требования полного преобразования Чехословацкого государства, предоставления автономии, а затем полного самоопределения Судетской области²⁹.

Вместо поддержки Чехословакии западные державы встали на путь оказания нажима на нее. После ряда промежуточных шагов представители Великобритании и Франции 7 мая 1938 г. передали официальные ноты чехословацкому правительству с требованиями уступок Генлейну и угрозами, что в противном случае они не возьмут на себя никаких гарантий против нападения Германии³⁰. Демарш западных держав привел к интернационализации искусственно созданного нацистами «чехословацкого вопроса» и положил начало так называемому «чехословацкому кризису», придав ему характер международного конфликта.

Чехословацкое правительство встало на путь беспринципных уступок генлейновским требованиям, компромиссов и капитулянтства³¹. В штабе ОКВ (Главное командование вермахта) готовился план военных операций против Чехословакии (план «Грюн») ³². По дипломатическим и разведывательным каналам гитлеровское руководство получало сведения о том, что Чемберлен и стоявшие за ним влиятельные политические круги благожелательно относятся к немецким планам расчленения Чехословакии³³.

Характерно, что все директивы Гитлера и штаба ОКВ по плану «Грюн» исходили из предпосылки, что Англия и Франция не будут вмешиваться в конфликт, в то время как Советский Союз немедленно предложит помощь Чехословакии. В директиве ОКВ от 30 мая 1938 г. указывалось: «Надо предвидеть вероятность военной поддержки Чехословакии со стороны России». Однако, учитывая, что Польша и Румыния отказались пропустить советские войска через свою территорию для помощи Чехословакии, гитлеровское руководство полагало, что эта поддержка ограничится в основном действиями военно-воздушных и военно-морских сил³⁴.

Рассчитывая на невмешательство западных держав, германское руководство уже в 20-х числах мая довело дело до международного кризиса. Для этого в Судетах были инспирированы массовые беспорядки; пользуясь этим, генлейновцы прервали переговоры с чехословацким правительством. На юге Германии началось сосредоточение немецких войск. Однако демократические и патриотические силы чехословацкого народа решительно выступили на защиту республики. Под напором этого массового движения 20 мая 1938 г. чехословацкое правительство на экстренном заседании под председательством президента Э. Бенеша приняло решение произвести мобилизацию двух возрастов

резервистов. На следующий день одновременно с мобилизацией воинские части заняли боевые позиции на пограничных укреплениях. Мероприятия 21 мая встретили поддержку населения, прошли в образцовом порядке и вызвали патриотический подъем в стране.

В этих условиях западные державы заняли двойственную позицию. С одной стороны, они объявили германскому правительству, что не оставят Чехословакию на произвол судьбы, с другой — усилили нажим на Прагу, чтобы она пошла навстречу генлейновцам, и давали Берлину понять, что чехословацкий вопрос может быть решен иным путем³⁵. В результате нацисты вынуждены были отступить. Гитлер объявил майский кризис ложной тревогой.

Майский кризис прояснил расстановку сил в мире. Под угрозой потери лица и международного престижа французское правительство также было вынуждено заявить, что выполнит свои союзнические обязательства в случае неспровоцированного германского нападения на Чехословакию³⁶. Но за словами не стояло готовности осуществить сказанное.

С марта по сентябрь 1938 г. советская дипломатия систематически прилагала усилия, направленные на совместное выступление держав в защиту Чехословакии. Через несколько дней после аншлюса Австрии, 15 марта 1938 г., заместитель народного комиссара иностранных дел заверил чехословацкого посла в Москве в том, что, если возникнет угроза военного нападения со стороны Германии, Советский Союз выполнит свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии. В тот же день аналогичные заявления были сделаны М. М. Литвиновым английскому послу в Москве и советским полпредом в Париже французскому правительству³⁷. 23 апреля 1938 г. посланник ЧСР в Советском Союзе передал чехословацкому правительству сообщение, в котором говорилось: «СССР, если его об этом попросят (выделено мною. — Авт.), готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии»³⁸.

На позицию Франции решающее влияние оказал фактический отказ Великобритании вмешаться в чехословацкие события. Так, согласно протокольной записи встречи министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ с послом Великобритании Э. Фиппсом 22 мая 1938 г., последний предупредил французов, что британское правительство «считает, что военная ситуация такова, что Франция и Англия даже с той

помощью, на которую они могли бы рассчитывать со стороны России, не были бы в состоянии помешать Германии захватить Чехословакию. Поэтому единственным результатом была бы война в Европе, исход которой, насколько об этом можно сейчас судить, был бы по крайней мере сомнителен»³⁹.

Тем не менее даже робкие меры чехословацкого правительства в конце мая 1938 г. несколько отрезвили гитлеровцев и вынудили их перейти к более сдержанной тактике. Напротив, британская дипломатия при поддержке французской резко усилила давление на Чехословакию. По ее настоянию в начале июня возобновились переговоры чехословацкого правительства с генлейновской партией. Однако генлейновцы выдвинули новые требования, которые вскоре завели переговоры в тупик⁴⁰.

После аншлюса Австрии и начала «чехословацкого кризиса» польская дипломатия посчитала, что настало подходящее время для осуществления планов «третьей Европы». Она начала консультации по этому вопросу с фашистской Италией и встретила взаимопонимание. Итальянский министр иностранных дел граф Чиано дал этим планам наименование «горизонтальной оси» — как дополнения к «вертикальной оси» Берлин — Рим. И Польша, и Италия мыслили создание нового блока как новый вариант «санитарного кордона» против СССР. Обе хотели использовать его как инструмент, обеспечивавший им права равного партнерства с гитлеровской Германией. Правящие польские круги во главе с Ю. Бекком видели главное противодействие своим планам в самом факте существования Чехословакии. Именно она якобы препятствовала Польше проявить себя в роли великой державы и сплотить под своим руководством государства Дунайского бассейна. Отсюда вытекала установка на бескомпромиссную античехословацкую позицию вплоть до уничтожения чехословацкой государственности⁴¹. Польская дипломатия рассчитывала привлечь к осуществлению своих планов Венгрию и Румынию. Каждой из них отводилась своя роль.

С Румынией польские правители были связаны договором и военной конвенцией. Они приветствовали произошедший в Румынии 10 февраля 1938 г. государственный переворот и установление режима королевской диктатуры. В тех условиях польско-румынское сотрудничество выливалось в форму, которую германская дипломатия рассматривала как «польско-

румынский антисоветский барьер»⁴². Значение этого барьера стало наглядным, когда в ходе «чехословацкого кризиса» встал вопрос о возможных «коридорах» (румынский и польский), по которым Советский Союз, не имевший общей границы с Чехословакией, мог бы оказать ей помощь. В течение весны и лета 1938 г. румынские представители не уставали повторять, что «Румыния принципиально отказывается разрешить проход русских войск»⁴³.

На античехословацкой основе Польша развивала отношения с Венгрией, где существовали захватнические устремления по отношению к словацким землям. Польская дипломатия сама выдвинула территориальные претензии к Чехословакии (район Тешина). Бек обозначил их как «локальные требования»⁴⁴, и они играли роль инструмента, обострявшего польско-чехословацкие отношения. Совпадение их планов выражалось в желании установить общую польско-венгерскую границу, что являлось важным элементом польских замыслов создания блока «Третьей Европы».

Германская дипломатия, временно закрывая глаза на великодержавные польские планы, подерживала Венгрию и Польшу в античехословацкой деятельности, видя в их территориальных претензиях средство изоляции Чехословакии.

В начале июня 1938 г., во время беседы с Гитлером, французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе предложил, чтобы Франция, Великобритания и Германия обсудили чехословацкую проблему для достижения справедливого решения вопроса. После этого французская сторона стала рекомендовать чехословацкому правительству принять такое решение⁴⁵.

В то время как англо-французская дипломатия продолжала маневрировать и готовила общественное мнение к принятию сделки с Гитлером⁴⁶, М. М. Литвинов в телеграмме С. С. Александровскому от 25 июня 1938 г. вновь подтвердил, что пакты СССР «с Францией и Чехословакией, помимо оказания помощи в случае войны, имеют также целью предотвращение или уменьшение самой опасности войны в определенных частях Европы. Перед лицом угрозы, нависшей теперь над Чехословакией, всему миру должно быть ясно, что советско-чехословацкий пакт эту свою функцию выполняет, что он является наиболее, если не единственно, крупным фактором, разряжающим атмосферу вокруг Чехословакии». И далее, что «Чехословакия является обороняющейся стороной и что

ответственность за последствия во всяком случае будет нести сторона нападающая»⁴⁷.

Из опубликованных к настоящему времени документальных исследований известно, что советское руководство и лично И. В. Сталин были хорошо осведомлены о работе германского, британского, французского и чехословацкого министерств иностранных дел, об активной обработке германскими послами политической элиты Великобритании, Польши, Румынии, Франции и других стран. На столе у Сталина находились сообщения, поступавшие из резидентур НКВД СССР и военной разведки в европейских столицах, а также материалы дипломатической переписки министерств иностранных дел со своими посольствами в столицах европейских держав. Именно поэтому глава СССР был всесторонне осведомлен о политике двойных стандартов правительств Великобритании и Франции, которые публично заявляли о желании поддержать Чехословакию в ее противостоянии с гитлеровской Германией, а закулисно вели переговоры с Гитлером⁴⁸.

Новейшие исследования, проведенные В. С. Христофоровым, свидетельствуют, что в июле 1938 г. резидентура НКВД СССР от источника в ближайшем окружении Муссолини получила данные о том, что «итальянское правительство исходит в своих военных планах из германского решения напасть на Чехословакию не позднее конца августа или начала сентября»⁴⁹. Советская военная разведка в августе 1938 г. информировала Сталина, Молотова и наркома обороны Ворошилова о том, что Германия усиленно готовится к вторжению в Чехословакию, которое может произойти после сентябрьского съезда нацистской партии⁵⁰.

В конце августа на совещании с генералами Гитлер выразил твердую уверенность в том, что Франция не рискнет начать войну против Германии⁵¹. Исходя из этих предпосылок, командование вермахта и планировало операцию «Грюн». Подготовку к военным действиям вели Польша и Румыния. В августе 1938 г. к польско-советской границе были стянуты дополнительные войска, начались маневры польской армии. Польша активно готовилась не только воспрепятствовать возможному прохождению сухопутных частей Красной армии по своей территории, но и усиливала свою противовоздушную оборону, намереваясь открывать огонь на поражение по каждому советскому самолету, который попытается пролететь через польскую территорию.

В сентябре 1938 г. судетский кризис вступил в решающую стадию. Правящие политические силы Чехословакии были напуганы серьезной обстановкой и сильно качнулись вправо. Позицию этих кругов очень точно отразил Э. Бенеш, заявив на встрече с генлейновцами 25 августа 1938 г.: «Я боюсь только двух вещей: войны, а после нее — большевистской революции»⁵². Чехословацкое правительство шаг за шагом сдавало свои позиции и шло на уступки генлейновцам.

К началу сентября 1938 г. Франция еще колебалась в принятии решения, поддерживать ли ей Чехословакию или продолжать умиротворять агрессора. Французское правительство понимало, что военная помощь СССР в случае нападения Германии на Чехословакию будет затруднена из-за позиции Польши и Румынии. 1 сентября 1938 г. министр иностранных дел Ж. Боннэ поручил своему поверенному в делах в Москве Ж. Пайяру поговорить с Литвиновым относительно «„форм кооперации“ в чехословацком вопросе»⁵³. 2 сентября 1938 г. М. М. Литвинов направил в советские полпредства в Праге, Париже и Лондоне телеграмму, в которой сообщал, что французский поверенный в делах в СССР Ж. Пайяр по поручению Боннэ поставил ему официально вопрос: «На какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, имеющиеся со стороны Польши и Румынии?». Литвинов напомнил Пайяру, что Франция обязана помогать Чехословакии независимо от помощи СССР, в то время как помощь СССР обусловлена французской, и что поэтому «мы имеем большее право интересоваться помощью Франции». К этому Литвинов добавил, что «при условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути. Если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига Наций вынесет решение об агрессии. Это и предусматривается советско-чехословацким пактом... Ввиду того, что аппарат Лиги Наций может быть пущен в ход очень медленно, было бы, по нашему мнению, необходимым теперь же предпринять необходимые меры, на что в случае наличия угрозы войны дает право ст. 11 Устава Лиги». На высказанное Пайяром сомнение в возможности единогласного решения Литвинов сказал, что даже решение большинства будет иметь огромное моральное значение, в особен-

ности если с большинством стала бы согласна и сама Румыния.

Далее Литвинов предложил для определения конкретной помощи созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий для предварительного обсуждения практических мер для защиты Чехословакии⁵⁴.

В разговоре с Пайяром Литвинов заявил, что абсолютно исключает из своих расчетов «добрую волю» Польши. При этом нарком ссылаясь на беседу министра иностранных дел Румынии Н. Комнена с министром иностранных дел Чехословакии Крофтой, в которой говорилось, что в то время как у Румынии имеются возражения против прохода советских войск, она может закрыть глаза на перелет самолетов через свою территорию. Литвинов, по словам Пайяра, видел в этом добрый знак того, что Бухарест — «точка наименьшего сопротивления»⁵⁵.

5 сентября заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин в ходе беседы с Ж. Пайяром заявил о предложении правительства СССР созвать совещание трех держав — СССР, Франции и Англии — для предупреждения военного конфликта. По вопросу о конкретных формах помощи Чехословакии в ответе советского правительства предлагался созыв совещания представителей генштабов Франции, СССР и Чехословакии⁵⁶. Однако советские предложения относительно обсуждения практических мер военными экспертами трех стран повисли в воздухе. При этом англичане и французы распространяли версии, что позиция СССР в случае войны неясна.

19 сентября 1938 г. Э. Бенеш срочно вызвал к себе полпреда СССР в Чехословакии С. С. Александровского и сообщил, что получил совместное англо-французское предложение о решении судето-немецкого вопроса путем прямой уступки Германии тех округов, в которых немцы составляют больше 50 % населения. Остальные округа получают частичную автономию. Границы устанавливаются международной комиссией. Новые границы гарантируются всеми соседями, а также Францией и Англией, в связи с чем аннулируются ныне действующие международные договоры Чехословакии. Предложение сопровождалось подчеркиванием, что уже простая задержка чехословацкого правительства с ответом может привести к роковым последствиям. Бенеш отметил, что при этом не было сказано прямо, что в случае отказа Чехословакии принять такое решение Франция и Англия отказались бы помогать

Чехословакии против агрессора, однако Бенеш допускает и такую возможность. Несмотря на это, Бенеш заявил, что у Чехословакии не останется никакого другого выхода, как защищаться при всех условиях. Франции был послан прямой запрос: обозначает ли ее предложение, что она намерена отказаться от выполнения своих союзнических обязательств?

Тогда же Бенеш просил правительство СССР дать как можно быстрее ответ на следующие вопросы: «1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь. 2. В случае нападения Бенеш немедленно обратится телеграммой в Совет Лиги Наций с просьбой привести в действие ст. 16 и 17». В связи с этим Бенеш просил помощи в Лиге Наций и просил от советского правительства такого же срочного ответа о том, поможет ли СССР в качестве члена Лиги Наций на основании упомянутых статей. Бенеш подчеркнул срочность, потому что должен дать ответ Франции и Англии, а между тем Чемберлен хотел бы уже в среду, 21-го, поехать к Гитлеру с этим ответом. Бенеш предполагал, что нападение произойдет 22-го, если Чемберлен не поедет или привезет недостаточный для Гитлера ответ. И при этом условии Бенеш заявил, что считает предложение, сделанное Англией и Францией, неприемлемым, а борьбу неизбежной, потому что народ не допустит ничего подобного. Он сказал, что может оказаться вынужденным объявить всеобщую мобилизацию уже 20-го, вечером. По его заявлению, в тот момент под ружьем в Чехословакии находилось 500 тысяч человек и все воздушные силы⁵⁷.

Уже 20 сентября 1938 г. эти вопросы были рассмотрены на заседании Политбюро ЦК ВКП (б). В. П. Потемкин, готовивший материалы для рассмотрения, отметил, что не существует другого варианта, как дать положительный ответ чехословацкому правительству. Политбюро ЦК ВКП (б) согласилось с предложениями Потемкина, после чего Александровскому было поручено передать Бенешу положительный ответ советского правительства. Одновременно о содержании ответа Бенешу было поставлено в известность французское правительство⁵⁸.

В телеграмме Потемкина С. С. Александровскому от 20 сентября, в частности, указывалось: «1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени

правительства Советского Союза утвердительный ответ. 2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша — поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги Наций, на основании ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении упомянутых статей»⁵⁹.

После получения ответа из Москвы в Праге было принято решение дать правительствам Великобритании и Франции ответ, содержание которого гласило, что в соответствии с конституцией правительство Чехословакии не может принять никаких решений, связанных с изменением границ, без решения парламента. По мнению правительства, принятие предложения означало бы уродование государства в экономическом и стратегическом отношении, результатом которого рано или поздно стало бы его полное подчинение Германии. Чехословацкое правительство призывало Великобританию и Францию пересмотреть свои предложения⁶⁰.

21 сентября, выступая на ассамблее Лиги Наций, нарком иностранных дел Литвинов вновь изложил позицию СССР по вопросу борьбы с экспансией. Он подчеркнул, что против агрессора должны быть приняты меры, намеченные уставом Лиги Наций, причем решительно, последовательно и без колебаний, и тогда «мир будет сохранен мирными средствами...»⁶¹. Более того, в Москве не исключали и такой вариант, как санкция Лиги Наций на оказание помощи Чехословакии теми государствами, которые были бы готовы такую помощь предоставить.

Под давлением народных масс чехословацкое руководство объявило всеобщую мобилизацию. Было сформировано новое правительство во главе с генералом Я. Сыровы. Назначение генерала премьер-министром как бы подчеркивало решимость правящих кругов Чехословакии оказать сопротивление, но, как показали дальнейшие события, они лишь делали вид, что намерены защищать республику.

В сентябре 1938 г. советское правительство провело ряд конкретных оперативно-стратегических мероприятий. Так, 23 сентября 1938 г. народный комиссар обороны СССР К. Е. Ворошилов и Генеральный штаб дали дополнительную директиву о приведении в боевую готовность части войск Белорусского особого и вновь созданного Калининского военных округов, а также о выдвигении к государственной границе ряда их оперативных объединений. Мероприятия по

приведению в боевую готовность были осуществлены также в Харьковском и Московском военных округах. Всего в боевую готовность были приведены: танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад, 7 укрепленных районов, а в системе противовоздушной обороны — 2 корпуса, дивизия, 2 бригады, 16 полков, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также части боевого и тылового обеспечения.

Вскоре дополнительные директивы были отданы Военным советам Белорусского, Киевского особых, Ленинградского и Калининского военных округов. Помимо войск, выдвинутых к юго-западной и западной государственной границе, в боевую готовность был приведен второй эшелон войск, состоявший из 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационных баз. Для усиления чехословацких ВВС были подготовлены 4 авиабригады (548 самолетов). В вооруженные силы было призвано из запаса в общей сложности до 330 тыс. человек командного, политического, младшего командного и рядового состава⁶².

Тем не менее и по сей день ряд современных исследователей высказывают сомнения относительно того, вмешался бы Советский Союз и как именно. В Праге вышли два тома документов «Чехословацкая внешняя политика в 1938 году» (Прага, 2001)⁶³. Там говорится о том, что СССР не собирался прийти на помощь Чехословакии и вмешиваться в конфликт между Германией и ее возможными союзниками, с одной стороны, и Чехословакией — с другой⁶⁴.

Опубликованные новые документы, в том числе из Архива Президента РФ, свидетельствуют, что советское руководство имело все основания не доверять западным державам и Праге. Известные подготовительные военные мероприятия Советского Союза доказывают его намерения вступить за Чехословакию, но только совместно с Францией. Кроме того, эти меры должны рассматриваться и как общие меры предосторожности, в первую очередь против Польши, и не только из-за ее претензий на чешскую территорию. Польша, с советской точки зрения, воспринималась как потенциальный союзник Третьего рейха. В то же время для конкретного военного вмешательства СССР в Чехословакию необходимо было не только выступление Франции, но и получение права прохода

войск через Польшу и Румынию. С Румынией велись по этому поводу переговоры, но их результаты не отвечали реальным потребностям Красной армии. Скорой и эффективной помощи Советский Союз в этих условиях оказать не мог, даже если бы и хотел⁶⁵.

Литвинов решительнее всех выступал за твердую позицию Советского Союза и за солидарность с Англией и Францией. Но, когда он в телеграмме Сталину 23 сентября предложил объявить частичную мобилизацию советских вооруженных сил и развязать такую кампанию в прессе, чтобы Гитлер и Бек всерьез поверили в угрозу войны, Сталин пометил на полях телеграммы коротко и ясно: «Нет!»⁶⁶. Поэтому Литвинов в тот же день разъяснил в Женеве своим британским собеседникам — де ла Варру и Батлеру, что Советский Союз ни в коем случае не станет действовать раньше Франции⁶⁷.

Вполне вероятно, что в условиях, когда Англия и Франция всем своим поведением во время кризиса показывали, что не принимают Советский Союз как равноправного партнера, Москва опасалась, что ее подставят и Советский Союз окажется в результате один против Германии. Британская политика выбрала другую альтернативу — попытку «сдерживания» Гитлера путем переговоров с ним без участия Советского Союза. Лондон отклонил проект конференции с участием СССР, ссылаясь в том числе и на ожидаемое неприятие этого участия Гитлером⁶⁸. Что касается политики Англии и Франции, то рассматриваемые документы подтверждают преобладающую в историографии ее оценку как политики умиротворения агрессора, направленной на сговор с нацистской Германией за счет Чехословакии.

22–23 сентября состоялась очередная встреча Гитлера с Чемберленом, на сей раз в Бад-Годесберге. Английский премьер от имени своей страны и Франции объявил главе рейха о принятии его требования в отношении Судетской области. Однако, к немалому изумлению Чемберлена, Гитлер выдвинул новые претензии к Чехословакии. Теперь он потребовал удовлетворить упоминавшиеся еще весной притязания Польши и Венгрии на часть чехословацкой территории. Что касается Судетской области, то он настаивал немедленно (26–28 сентября) передать эти районы Германии и вручил Чемберлену меморандум и карту. Меморандум предписывал к 1 октября вывести все чехословацкие войска, в том числе подразделения полиции, с территорий, заштрихованных на карте красным цве-

том: судьба земель, заштрихованных зеленым цветом, должна была быть решена в результате плебисцита (который так и не был проведен). Все военные сооружения предписывалось оставить в полной сохранности. Важные экономические и транспортные объекты («особенно подвижной состав железных дорог») передавались немцам неповрежденными. «Не подлежали вывозу продукты питания, товары, скот, сырье и т. д.»⁶⁹. Сотни тысяч чехов, вынужденные покинуть свои дома в Судетской области, не имели права забрать с собой даже свой скарб или корову.

Народ Чехословакии с гневом и возмущением отвергал посягательства рейха на суверенитет страны, был готов с оружием в руках защищать родину. Однако Англия и Франция продолжали оказывать давление на республику, добываясь от нее уступок гитлеровской Германии. Чтобы успокоить общественность в своих странах и во всем мире, возмущенную таким оборотом событий, правительства западных держав провели ряд демонстративных мер, призванных показать их стремление противостоять гитлеровской агрессии. Английский флот был приведен в боевую готовность. В Лондоне населению раздавали противогазы, солдаты рыли траншеи, обкладывали здания мешками с песком. «Как же это дико, фантастично и невероятно, — восклицал в выступлении по радио Чемберлен, — что мы должны... копать здесь траншеи из-за какой-то ссоры в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем»⁷⁰. Этот маскарад поддерживала и Франция: 24 сентября были призваны резервисты, на площадях устанавливались зенитные батареи.

29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция глав правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии без участия представителей Чехословакии. Переговоры длились 13 часов.

30 сентября, в 17:00, Бенеш срочно запросил Москву: как относится СССР к альтернативе война или капитуляция, перед которой поставлена Чехословакия, поскольку великие державы принесли ее в жертву Гитлеру? Советскому правительству давалось 1–2 часа на ответ⁷¹. Однако этот ответ так и не поступил, поскольку Бенеш уже через 45 минут, то есть до истечения назначенного им самим срока, отозвал запрос: пражское правительство тем временем уже приняло мюнхенский ультиматум. В тот же день, 30 сентября, в 21:30, советский посол докладывал о причинах, по которым пражское руководство решило принять условия Мюнхена, а не просить

советской помощи: у Чехословакии не хватает аэропортов для достаточной поддержки со стороны советской авиации, а помощь Красной армии возможна лишь через несколько дней, когда чешские войска уже могут быть разбиты⁷². Это, разумеется, были второстепенные соображения.

Мюнхенское соглашение было подписано 30 сентября 1938 г., в 2 часа 30 минут. Оно предусматривало передачу Германии, под предлогом защиты прав немецкого населения, в срок с 1 по 10 октября 1938 г. Судетской области и ряда других районов, принадлежавших Германии до Версальского мира. Эти территории передавались Германии со всеми находившимися на них в полной сохранности сооружениями и укреплениями, сельскохозяйственными и промышленными предприятиями, с запасами сырья, путями сообщения, средствами связи⁷³.

В результате мюнхенскогоговора Чехословакия, просуществовавшая как государство 20 лет, потеряла одну пятую часть своей территории, около четверти населения и половины предприятий тяжелой промышленности. Потеряли свое значение чехословацкие укрепления на границе с Германией, которые рассматривались как серьезный барьер против германской агрессии в Центральной Европе. Вследствие Мюнхена Чехословакия стала нежизнеспособным государством.

В приложении к подписанному в Мюнхене соглашению было отмечено, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована, то она станет предметом обсуждения на следующем совещании глав правительств четырех держав. Участникам соглашения «гарантировались» новые границы чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии.

А ведь Чехословакия обладала большими возможностями для отпора агрессору. В сентябре 1938 г. чехословацкая армия имела в строю 2 млн солдат и офицеров, 45 дивизий, 1582 самолета, 469 танков, 5700 артиллерийских орудий. Моральный дух войск, как и всего народа, был высоким. Когда 23 сентября, в 22:00, была объявлена мобилизация, резервисты тут же спешили к местам сбора. За сутки на призывные пункты явилось 1250 тыс. человек, а к исходу 24 сентября против германских агрессоров могла выступить армия численностью 1,5 млн человек, обладавшая не только первоклассным по тому времени вооружением, но и волей

к сопротивлению. Мобилизация, проводившаяся строго по плану, завершилась 29 сентября⁷⁴. Войска заняли приграничные укрепрайоны в готовности к действию. Но приказа, которого они ждали, так и не последовало.

Анализ соотношения сил показывает, что германское превосходство в силах было минимальным. вермахт (2,2 млн человек) в тот период насчитывал 47 дивизий, имел 2500 самолетов и 720 танков⁷⁵. Фактора внезапности также не существовало. Чехословакия располагала оборудованным по последнему слову техники, занятым войсками оборонительным рубежом, не уступавшим по своей оснащенности линии Мажино. Против тяжелых фортов были бессильны даже 210-мм орудия. Чехословацкая авиация могла в считанные минуты подвергнуть опустошительным бомбардировкам германские химические заводы, расположенные близ общей границы, и нанести противнику серьезный ущерб. Причем немецкий генералитет такой вариант не сбрасывал со счетов.

Таким образом, возможность изменения фатального хода событий для Чехословакии зависела, главным образом, от внутреннего единства ее народов, их решимости защищать территорию своей страны с оружием в руках, непосредственного влияния общественного мнения на принятие чехословацким правительством решения не выполнять условий Мюнхенского соглашения, а сопротивляться. В то же время этот вопрос зависел от стремления и готовности Франции и СССР военными средствами защитить важные стратегические рубежи в самом центре Европы. Он зависел и от позиции граничащих с Чехословакией малых стран — членов Малой Антанты — Югославии и Румынии, а также Польши.

Как сообщал полномочный представитель СССР в Чехословакии Александровский в телеграмме в НКВД от 1 октября 1938 г., со ссылкой на чешский источник, на принятие чехословацким правительством условий Мюнхена повлияло то, что Гитлеру удалось убедить Чемберлена и Даладье, «что в данной ситуации большую опасность для мира в Европе представляет не он, а СССР, который объективно является большевистским форпостом и может сыграть роковую роль поджигателя новой войны. Следовательно, это убеждение явилось не формальным, но фактическим основанием для создания блока четырех против СССР. Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого начнется война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой. Возможно, что СССР и победит,

но Чехословакия так или иначе будет сметена и будет вычеркнута с карты Европы. Эти утверждения сыграли большую роль в деле принятия правительством прямого решения»⁷⁶.

Чемберлен после окончания переговоров попросил о еще одной встрече с Гитлером. 30 сентября 1938 г. Гитлер и Чемберлен подписали совместную англо-германскую декларацию, которая оповещала мир о том, что англо-германские отношения представляют собой важнейший фактор обеспечения мира в Европе. Великобритания и Германия приняли решение о том, чтобы метод консультаций стал основой для разрешения спорных вопросов, связанных с обеими странами, и «таким образом содействовать укреплению мира в Европе»⁷⁷.

Хотя Польша не была участником Мюнхенской конференции, но и ее роль в период подготовки соглашения о расчленении Чехословакии весьма неприглядна. В период чехословацкого кризиса она занимала прогерманскую и провенгерскую позицию, рассчитывая усилить свое политическое влияние в Центральной Европе, особенно на Венгрию и Румынию. Польша претендовала на Тешинскую и Фриштатскую области в Силезии и «доступ по железной дороге до станции Богумин (Одерберг)», о чем имеется документальное подтверждение в письме министра иностранных дел Польши Ю. Бека польскому послу в Германии Ю. Липскому от 19 сентября 1938 г., в котором содержатся конкретные директивы последнему, которых он должен придерживаться в беседе с германским рейхсканцлером. В этом же письме Ю. Бек, оправдывая территориальные притязания Польши, откровенно заявлял: «Чехословацкую Республику мы считаем образованием искусственным, удовлетворяющим некоторым доктринам и комбинациям, но не отвечающим действительным потребностям и здравым правам народов Центральной Европы»⁷⁸. В этом же послании подчеркивалось, что «Польша считает вмешательство Советов в европейские дела недопустимым», и содержалась похвала польскому правительству, которое, «благодаря занимаемой им позиции, парализовало возможность интервенции Советов в чешском вопросе в самом широком значении». Кроме того, Польша, лично не заинтересованная в том, чтобы СССР пришел на помощь Чехословакии, оказала сильное давление на румынское правительство, чтобы оно отказало в праве прохода советских войск через свою территорию, точно так же, как она отказала в этом праве прохода через свою территорию⁷⁹.

Действуя по примеру Германии, Польша, заручившись поддержкой Гитлера, приняла участие в расчленении Чехословакии. 30 сентября 1938 г. польский посланник передал министру иностранных дел Чехословакии ноту, в которой ультимативно предъявлялись требования уступить три района в Силезии: Фрейштадт, Тешин, Яблунков. Ответ необходимо было дать в течение суток. 1 октября 1938 г. чехословацкое правительство капитулировало и перед польским ультиматумом⁸⁰.

1 октября 1938 г. германские войска под командованием генерал-полковника В. фон Лееба пересекли границу Чехословакии. СССР решительно осудил Мюнхенское соглашение. Советское правительство, как отмечалось в сообщении ТАСС от 2 октября 1938 г., «не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям»⁸¹.

В связи с распространением западной печатью слухов о якобы согласованной линии поведения Великобритании, Франции и Советского Союза ТАСС 4 октября 1938 г. сообщил: «Никаких совещаний, а тем более соглашений между правительствами СССР, Франции и Англии по вопросу о судьбах Чехословацкой Республики и об уступках агрессору не происходило»⁸².

6 декабря 1938 г. Боннэ и Риббентроп подписали франко-германскую декларацию: «Мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира»⁸³.

Итак, для Третьего рейха в 1938 г. вопрос состоял не в том, чтобы освободить немецкое население в Судетской области в Чехословакии, а в том, чтобы освободиться от унижительных условий Версальского договора, навязать другую

концепцию Европы и германского права, нейтрализовать Чехословакию, обесценить советско-французских договор о взаимной помощи, упрочить геостратегические позиции в центре Европы и устранить препятствия на пути продвижения Германии на Восток».

Мюнхенский сговор разрушил последние остатки Версальской системы и явился со стороны Англии и Франции «приглашением» Германии к дальнейшей агрессии, в том числе и на Востоке. СССР, отстраненный мюнхенцами от участия в решении судьбы Чехословакии, был поставлен в положение международной изоляции. Более того, советское руководство не могло не задуматься об угрозе создания единой антисоветской коалиции, учитывая поддержку политики Мюнхена Соединенными Штатами Америки, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии и полное одобрение соглашения правительством Японии. Стало ясно, что в условиях надвигавшегося конфликта с гитлеровской Германией СССР может рассчитывать лишь на собственные силы — в военной области или в сфере дипломатии.

Таким образом, одним из уроков Мюнхена являются негативные последствия действий Франции и Великобритании, подорвавших систему коллективной безопасности и деятельность Лиги Наций. Они открыто продемонстрировали решение собственных геостратегических интересов и обеспечение мнимой безопасности своих государств за счет принесения в жертву интересов других стран. В то же время подобные действия показали минимальные возможности малых стран изолированно сопротивляться своекорыстной политике более могущественных крупных государств.

¹ Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась (как империалисты подготовили и развязали Вторую мировую войну). М., 1975; Иванов А. Г. Великобритания и мюнхенский сговор (в свете архивных документов) // Новая и новейшая история. 1988. № 6; Кульков Е. Н., Ржешевский О. А. Истоки нового мирового конфликта // Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. Гл. 1. С. 42–43; Марьяна В. В. Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа. М., 2008. С. 19–50; Христофоров В. С. Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 21–47; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 173; Наринский М. М. происхождение войны // Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в советско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М., 2010. С. 137 и др.

² ДВП СССР. Т. XVIII. М., 1973. С. 309.

³ Там же. С. 309–312; С. 336.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 880. Л. 149.

⁵ Цит. по: Орлов А. С. Сталин в преддверии войны. М., 2003. С. 70–71; РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 880. Л. 150–152.

⁶ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999. С. 14–23.

⁷ Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 104–105.

- ⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. В 2 т. Т. 1. Ноябрь 1937 г. — дек. 1938 г. М., 1981. С. 25–33.
- ⁹ 1939 год: Уроки истории / Волков В. К., Илюхина Р. М., Кошкин А. А. и др.; отв. ред. О. А. Ржешевский. М., 1990. С. 38–39.
- ¹⁰ Documents of German Foreign Policy (далее — DGFP). L., 1962. Vol. 4. P. 952.
- ¹¹ Цит. по: Марушкин Б. И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае, 1937–1939 гг. М., 1957. С. 30–31.
- ¹² Майский И. М. Дневник дипломата, 1934–1943. В 2 кн. Кн. 1. 1934 — 3 сентября 1939 г. М., 2006. С. 215.
- ¹³ Namier L. B. Europe in Decay. L., 1950. P. 10–11; Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. Т. 1. С. 35.
- ¹⁴ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 869. Л. 43.
- ¹⁵ Орлов А. С. Сталин в преддверии войны. М., 2003. С. 90.
- ¹⁶ We11es S. Seven Decisions that Shaped History. N.Y., 1950. P. 251.
- ¹⁷ Подробнее см.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 35–46.
- ¹⁸ Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. N.Y., 1976. P. 408–409.
- ¹⁹ The Times. 1938. 23 November. Цит. по: 1939 год: Уроки истории. С. 110.
- ²⁰ 1939 год: Уроки истории. С. 39–40.
- ²¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 12–129.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 102–105.
- ²⁴ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 9–25; Вопросы истории. 1991. № 6. С. 30; Самсонов А. М. Знать и помнить. М., 1988. С. 316.
- ²⁵ Русский архив: советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 1930–1940-е годы: документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7–1). М., 1997. С. 145.
- ²⁶ Наринский М. М. Политика СССР в Европе и Польша 1933–1938 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2004. С. 28–38.
- ²⁷ Протоколы англо-французских переговоров в Лондоне в конце апреля 1938 г. см.: Documents on British Foreign Policy (1919–1939) (далее — DBFP). Third Series (1938–1939). Vol. I–IX. L., 1949–1955. Vol. I. L., 1949. Doc. No. 164. P. 198–234; Documents diplomatiques français, 1932–1939 (далее — DDF). Ministère des relations extérieures. Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre 1939–1945. 2-e série (1936–1939). T. I–VIII. Paris, 1963–1973. T. IX. Paris, 1974. Doc. No. 258. P. 561–588.
- ²⁸ ДВП СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 246–247.
- ²⁹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее — ADAP). Serie D (1937–1941). Baden-Baden, 1950. Bd. II. S. 191–192; К 70-летию начала Второй мировой войны: исследования, документы, комментарии: Колл. моногр. / отв. ред.: А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М., 2009. С. 32; Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы. В 4 т. Т. 1. М., 2005. С. 383–384.
- ³⁰ Внешняя политика Чехословакии, 1918–1939: сб. статей; пер. с чеш. М., 1959. С. 487.
- ³¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). Т. 3. М., 1978. С. 417–418.
- ³² Hass G. Münchener Diktat 1938. Berlin, 1988. S. 146–150.
- ³³ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945. Т. 1. С. 384–386.
- ³⁴ Там же. С. 386–387.
- ³⁵ Там же. Т. 1. С. 389–390.
- ³⁶ DBFP. Third Series. Vol. 1. Doc. 263. P. 340.
- ³⁷ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 15–17.
- ³⁸ Там же. С. 26.
- ³⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 98.
- ⁴⁰ Крал В. План Зет; пер. с чеш. М., 1978. С. 132–133.
- ⁴¹ Волков В. К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978. С. 20–21.
- ⁴² Колкер В. М. Румынское правительство и мюнхенский сговор // Балканский исторический сборник. Т. 1. Кишинев, 1968. С. 237.
- ⁴³ Comnene N. P. Preludi del grande drama. Rieordi e documenti un diplomatico. Roma. 1947. P. 37–38.
- ⁴⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. В 12 т. / под ред. И. А. Хренова и В. Т. Ковальского. М., 1963–1985. Т. VI. М., 1969. С. 361–362.

- ⁴⁵ Подробнее см.: *Христофоров В. С.* Мюнхенское соглашение — начало активной подготовки Гитлера ко Второй мировой войне: Колл. моногр. // К 70-летию начала Второй мировой войны: исследования, документы, комментарии / М., 2009. С. 33–34.
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Марьина В. В.* Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф., Москва, 15–16 марта 2005 года / отв. ред. *М. Ю. Мягков*, М., 2008. С. 26.
- ⁴⁷ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 141–142.
- ⁴⁸ *Христофоров В. С.* Мюнхенское соглашение — начало активной подготовки Гитлера ко Второй мировой войне // К 70-летию начала Второй мировой войны: исследования, документы, комментарии. С. 35–37.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе. Т. 1. С. 282–283.
- ⁵¹ Там же. Т. 1. С. 387.
- ⁵² Там же. Т. 1. С. 390.
- ⁵³ Новые документы из истории Мюнхена. С. 67–68.
- ⁵⁴ Новые документы из истории Мюнхена. С. 70–72.
- ⁵⁵ *Майский И. М.* Дневник дипломата, 1934–1943. Кн. 1. С. 481.
- ⁵⁶ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 146.
- ⁵⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 168–169.
- ⁵⁸ *Христофоров В. С.* Мюнхенское соглашение — начало активной подготовки Гитлера ко Второй мировой войне // К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. С. 45.
- ⁵⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 182.
- ⁶⁰ Там же. С. 178–181.
- ⁶¹ Известия. 1938. 22 сентября.
- ⁶² Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. С. 256, 315; Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 240; *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе. Т. 1. С. 266.; История второй мировой войны 1939–1945. В 12 томах. М., 1973–1982. Т. 2. М., 1973. С. 107–108; Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 62.
- ⁶³ Československá zahraniční politika v roce 1938. Praha, 2001. Sv. II.
- ⁶⁴ *Марьина В. В.* Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа: материалы междунар. научн. конф., Москва, 15–16 марта 2005 года. С. 22.
- ⁶⁵ Подробнее см.: *Бонвеч Б., Кудряшов С.* Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Германия — СССР. 1933–1941. М., 2009. С. 23–24.
- ⁶⁶ *Бонвеч Б., Кудряшов С.* Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Германия — СССР. 1933–1941. С. 24.
- ⁶⁷ ДВП СССР. Т. XXI. С. 520–521.
- ⁶⁸ *Бонвеч Б., Кудряшов С.* Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Германия — СССР. 1933–1941. С. 24.
- ⁶⁹ DGFP. Series D. Wash., DC: Government Printing Office, 1949–1964. 1956. Vol. XI. P. 9010.
- ⁷⁰ *Борисов А. Ю.* Мюнхенская трагедия: (Размышления спустя полвека). М., 1988. С. 57.
- ⁷¹ ДВП СССР. Т. XXI. С. 548–549.
- ⁷² *Бонвеч Б., Кудряшов С.* Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Германия — СССР. 1933–1941. С. 23.
- ⁷³ Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 587.
- ⁷⁴ Die Hintergründe des Müncheher Abkommens von 1938. Berlin, 1959. S. 226.
- ⁷⁵ Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. М., 1972. С. 218.
- ⁷⁶ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Сентябрь 1938 — август 1939: документы и материалы. М., 1971. С. 24.
- ⁷⁷ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. С. 29.
- ⁷⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. Т. 1. С. 173.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Сентябрь 1938 — август 1939. С. 24–26.
- ⁸¹ Там же. С. 29.
- ⁸² Там же. С. 32.
- ⁸³ Год кризиса. 1938–1939: документы и материалы. Т. 1. С. 136–137.